

УДК 342

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ВОПРОСАМ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Упоров Иван Владимирович,

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Российская академия естествознания, г. Краснодар

uporov@list.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности регулирования статуса осужденных к наказаниям, связанным с лишением свободы, в советском государстве, при этом выделяется такая составляющая статуса, как права заключенных во время отбывания ими наказания и юридический механизм их реализации в исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ). Анализируются соответствующие нормативно-правовые акты, определявшие условия исполнения лишения свободы, которые, собственно, и отражали степень обеспеченности рассматриваемых прав осужденных, и прежде всего в ИТК РСФСР, 1924, 1933 и 1970 гг. Отмечается, что в начальный период советской власти доминировало социологическое учение о наказании, соответственно предусматривался относительно гуманный подход к условиям отбывания наказания осужденными в ИТУ. В дальнейшем, в период функционирования ГУЛАГа ситуация существенно изменилась, имело место значительное ограничение прав заключенных, что противоречило нормативным положениям в данной сфере общественных отношений. Со второй половины 1950-х гг. в рамках известной хрущевской «оттепели» был определен вектор на укрепление законности в местах лишения, и эта тенденция оказалась устойчивой.

Ключевые слова: советское государство, лишение свободы, заключенные, права, условия содержания, кодекс.

FEATURES OF REGULATION OF PENITENTIARY POLICY OF THE SOVIET STATE ON THE ISSUES OF THE LEGAL STATUS OF CONVICTS

Uporov I. V.,

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,

Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar

uporov@list.ru

ABSTRACT

The article examines the peculiarities of regulating the status of persons sentenced to punishments involving imprisonment in the Soviet state, highlighting such a component of the

status as the rights of prisoners during their sentence and the legal mechanism for their implementation. The relevant normative legal acts determining the conditions for the execution of imprisonment are analyzed, which, in fact, reflected the degree of security of the rights of convicts in question, primarily in the RSFSR Correctional Labor Colonies of 1924, 1933 and 1970. It is noted that in the initial period of Soviet power, the sociological doctrine of punishment dominated, and accordingly, a humane approach to the conditions of serving sentences by convicts in correctional labor camps was envisaged. Later, during the period of the GULAG operation, the situation changed significantly, there was a significant restriction of prisoners' rights, which contradicted the normative provisions in this area of public relations. Since the second half of the 1950s, within the framework of the well-known Khrushchev "thaw", a vector was determined to strengthen the rule of law in places of deprivation of liberty, and this trend turned out to be stable.

Keywords: soviet state, deprivation of liberty, prisoners, rights, conditions of detention, code.

Уголовное наказание в виде лишения свободы предполагает значительное ограничение прав осужденных, что логично вытекает из совершения виновным общественно опасного деяния, который, посягнув тем самым на установленный государством социальный порядок в обществе, дает основание изолировать его от общества на некоторое время. Но часть прав у осужденных, разумеется, остается, поскольку, как известно, всех прав человек лишается лишь со своей смертью. Здесь же, имея в виду наказание в виде лишения свободы, предполагается, что осужденный, отбыв определенный срок наказания, вернется в общество, соответственно государство заинтересовано в том, чтобы виновный, во-первых, испытал неблагоприятные последствия своего преступления (в виде как раз ограничения его прав, и, во-вторых, чтобы после освобождения, он не потерял человеческий облик и мог продолжать свою жизнь уже как свободный гражданин. Добиться указанной можно только путем частичного ограничения прав осужденных, оставляя у него иные права.

Такой подход в средние века стал закрепляться в законодательстве, нормами которого определялись не только составы преступлений и наказаний за их совершение, но и вопросы обеспечения ряда прав осужденных в местах лишения свободы. При этом речь идет прежде всего об основных правах человека, которые уже в более поздний период стали именовать как конституционные права, а также вытекающих из этого иных прав. В России отдельные нормы, касающиеся регулирования прав арестантов, стали появляться лишь с XVII в., а именно с Соборного уложения 1649г., однако на системном уровне законодатель стал обращать внимание на права арестантов только со второй половины XVIII в. в годы правления Екатерины II, когда была обозначена тенденция к большей гуманизации отбывавших лишение свободы. В дальнейшем эта тенденция неизменно продолжалась, и особенно наглядно была выражена в Инструкции смотрителю губернского тюремного замка (1831 г.), а также в Общей тюремной инструкции 1915 г. Указанная инструкция безусловно, в значительной степени соответствовала современным на то время пенитенциарным требованиям[1].

После октябрьской революции в 1917 г. властью большевиков эта Инструкция она была аннулирована, но общая тенденция к гуманизации условий содержания лишенных свободы советской властью в первые годы ее функционирования была продолжена, о чем может свидетельствовать программное положение Программы РКП(б) 1919 г. о замене тюрем воспитательными учреждениями. Однако в дальнейшем повторилась общий фундаментальный недостаток отечественной пенитенциарной системы – существенное несоответствие нормативных положения и фактического положения в местах лишения

свободы. Кроме того, в СССР ввиду политических причин, связанных с обострением классово-борьбы, установления административно-командных методов управления обществом и государством, положение заключенных в исправительно-трудовых колониях и исправительно-трудовых лагерях в период функционирования печально известного ГУЛАГа характеризовалось значительным ограничением их прав.

Тем не менее в период до рубежа второй половины 1920-х гг. издавались акты, отражавшие вполне гуманные условия отбывания преступниками наказания в виде лишения свободы. Это относится прежде всего к первому советском Исправительно-трудовому кодексу РСФСР, принятому в 1924 г. [2]. В этом акте были отражены следующие основные принципы исполнения и отбывания наказания: обязательность труда заключенных (ст. 52); применение прогрессивной системы (ст. 82, 100 и др.); совершенствование и развитие сети трудовых сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных колоний и переходных исправительно-трудовых домов (ст. 4); развитие самодеятельности осужденных (ст. 8); классовый подход к распределению осужденных по видам мест лишения свободы (ст. 4, 47); организация и усиление роли культурно-просветительной работы, общеобразовательного и профессионального образования (ст. 82, 83 и др.); оказание постпенитенциарной помощи освобождаемым (ст. 227, 228 и др.); применение льготного исчисления сроков заключения (ст. 18); контроль общественности за деятельностью мест лишения свободы (ст. 20); стремление к самокупаемости мест лишения свободы (ст. 9); организация режима на «правильном» сочетании обязательного труда заключенных и культурно-просветительной работы (ст. 48).

Согласно ст. 8 в местах лишения свободы предусматривались меры к развитию самодеятельности заключенных, направленной на приобретение свойств и профессиональных навыков, необходимых для трудовой жизни в обществе. Следует отметить, что это был принципиально новый аспект пенитенциарной политики государства, имея в виду, что в период Российской империи о необходимости формирования у заключенных какой-либо самодеятельности в нормативных актах даже не упоминалось (за исключением, пожалуй, случаев, когда арестанты сами избирали старшего по камере). Принятие нормы о самодеятельных организациях в советских местах лишения свободы можно расценивать как шаг вперед в развитии отечественной пенитенциарии. Такой подход позволял заключенным не чувствовать себя оторванными от общества, делать жизнь в заключении более содержательной и полезной в социальном плане; он отражал в этом смысле известную мысль К. Маркса о том, что государство должно видеть в преступнике свою неотъемлемую частицу, своего гражданина. В дальнейшем указанный принцип нашел широкое распространение в деятельности исправительно-трудовых учреждений СССР, но 1980-е гг. он был во многом дискредитирован формализмом, бюрократизмом и очковитирательством, захлестнувшими в то время государственные учреждения, в том числе места лишения свободы.

В соответствии со ст.19 ИТК РСФСР при каждом месте заключения учреждалась наблюдательная комиссия в составе: начальника места заключения; народного судьи; представителя бюро профессиональных союзов. Основная функция комиссии заключалась в контроле за законностью принимаемых решений в отношении осужденных. Важно отметить, что наблюдение за деятельностью государственных (исправительно-трудовых) учреждений могли осуществлять – в лице профсоюзов – представители достаточно широких слоев населения. Несмотря на определенные политико-идеологические ограничения (исключение из этой работы «буржуазных элементов»), степень демократичности, предусмотренная этой правовой нормой, была гораздо выше, чем в период империи, когда от общества наблюдение (попечение) осуществляли тюремные комитеты Общества попечительного о тюрьмах, в абсолютном большинстве состоящие из

представителей высших сословий. Между тем в состав бюро профсоюзов, как известно, входили люди самых разных категорий населения. Другое дело, что в действительности, как показала практика, деятельность многих наблюдательных комиссий была во многом заформализована, ее члены были загружены основной работой, и существенного влияния на положение дел на состояние дел в исправительно-трудовых учреждениях они не оказывали, в частности, работа наблюдательных комиссий подвергалась критике уже в конце 1920-х гг. [3]

Также представляет интерес положение ст. 49 ИТК РСФСР, согласно которому «для действительного осуществления исправительно-трудовой политики режим в местах заключения должен быть лишен всяких признаков мучительства, отнюдь не допуская применения физического воздействия: кандалов, наручников, карцера, строго-одиночного заключения, лишения пищи, свиданий заключенных с их посетителями через решетку» [2]. В целом ИТК РСФСР 1924 г. проникнут, как и следовало ожидать, идеями социологического учения о наказании[4]. Об этом свидетельствуют многие нормы, направленные на максимально возможную ресоциализацию заключенных (меры социальной защиты). Такой подход отражал главный аспект пенитенциарной политики государства того времени – делать все возможное, на основе достижений педагогики и создания гуманных условий содержания, для исправления преступника, возвращения его в ряды «трудящихся Советской республики». При этом предполагалось, что основная часть преступлений совершается «по неосознанности»; имелось в виду, что новая жизнь в государстве рабочих и крестьян постепенно искоренит условия, способствующие совершению общественно опасных деяний.

Но с этим актом повторяется ситуация с пенитенциарными актами Российской империи, которые, будучи прогрессивными, в большей части так и не были реализованы. И если сопоставить содержание этого кодекса с реальным положением дел и материально-технической базой мест заключения, состоянием судебных органов, которым придавалось большое значение в осуществлении пенитенциарной политики, то можно сделать вывод, что этот закон в подавляющей своей части был обречен на нереализуемость. О фактическом положении в местах лишения свободы свидетельствуют публикации накануне принятия кодекса. В частности, по словам представителя Народного комиссариата юстиции М.Славина, который посетил некоторые места лишения свободы, «кроме ½ фунта хлеба и легкой похлебки заключенные ничего не получают ... В хлебе находятся элементы, которые должны вызывать несварение желудка, кровавый понос и в результате смерть» [5, с. 26]. Рост заключенных опережал строительство и оборудование новых мест лишения свободы[6, с. 68]. В этом смысле ИТК РСФСР 1924 г. был явно преждевременным; он опередил не только свое время, но и, очевидно, нынешнее время, поскольку многие его нормы, будучи правильными сами по себе (например, об оказании помощи освобождаемым), при современном состоянии экономики страны реализованы быть не могут.

В 1933 г. постановлением ВЦИК и СНК был утвержден новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР[7]. Здесь уже был выражен классовый подход, что соответствовало провозглашенному властью тезису об усилении классовой борьбы в стране, но, тем не менее, и в этом акте предполагалось проведение политико-воспитательной работы, которая преследовала полезные для общества цели. С учетом переживаемой эпохи строительства социалистического государства, акцент при этом делался прежде всего на трудовой энтузиазм и активную самодеятельность осужденных. Соответственно предусматривалось создание общественных организаций заключенных, в частности, массово-производственной, культурно-массовой, санитарно-бытовой и редакционно-издательской секций, которые должны были руководить проведением среди заключенных ударничества, соцсоревнования, содействовать выполнению производственных планов и т.

д. В целом же большинство норм ИТК РСФСР 1933г., несмотря на его «классовость», имели все же прогрессивный характер и во многом соответствовали сложившимся к тому времени международным пенитенциарным нормам.

Данный ИТК РСФСР 1933 г. чисто формально действовал до 1970 г. Однако здесь важно подчеркнуть следующие обстоятельства, которые значительно снижают роль этого закона. В частности, литературе он оценивается по-разному. В одном и советских учебников указывалось, что он был «проникнут принципом гуманизма, демократизма и социалистической законности» [8, с. 32]. А по мнению А.С. Смыкалина, «скорее всего, ИТК 1933 г. служил ширмой для массовых незаконных репрессий, с особой силой разворачивающихся в этот период» [9, с. 104]. Представляется все же маловероятно, что законодатель специально создавал некую «ширму» для репрессий. А реальностью является то, что фактически в системе ГУЛАГ главенствующее место имели не законы, ведомственные акты НКВД (МВД) СССР и ГУЛАГа как одного из главков НКВД-МВД. Но и в них воспитательная работа с заключенными также предусматривалась. Другое дело, что в практике, фактически, заключенные использовались прежде всего как дешевая рабочая сила, и зачастую условия отбывания наказания были значительно хуже нормативных, особенно в местах лишения свободы, расположенных в отдаленных районах страны.

ИТК РСФСР 1933 г. формально действовал вплоть до принятия ИТК РСФСР 1970 г. Фактическое же положение заключенных определялось, как отмечалось, ведомственными нормативными актами НКВД СССР. В этой сфере из наиболее заметных можно выделить Временную инструкцию о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях 1939 г. [10] Немалый интерес вызывает здесь регулирование дисциплинарной практики (ст. 104-137). За нарушение правил внутреннего распорядка, недобросовестное отношение к труду или отказ от работы на заключенных налагались взыскания. При этом четко распределялась компетенция разных должностных лиц. Так, начальником Управления лагеря могло быть наложено одно из следующих взысканий: а) лишение свиданий, переписки, передач на срок до 6 месяцев, ограничение в праве пользования личными деньгами на срок до 3-х месяцев и возмещение причиненного ущерба; б) перевод на общие работы; в) перевод на штрафной лагпункт сроком до 6 месяцев; г) перевод в штрафной изолятор сроком до 20 суток; д) перевод в худшие материально-бытовые условия (штрафной паек, менее благоустроенный барак и т. п.). О наложении взыскания на заключенного во всех случаях выносилось мотивированное постановление за подписью начальника лагеря или лагерного подразделения, которое по исполнению приобщалось к личному делу заключенного. При решении вопроса о наложении взыскания начальник лагерного подразделения обязан был заслушать личное объяснение заключенного, совершившего нарушение. Важной представляется норма, согласно которой заключенному разрешалось обжалование наложенного на него взыскания перед вышестоящими начальниками. Начальник Управления лагерей и лагерного подразделения имел право досрочно отменить или снять наложенное взыскание, если работа заключенного на производстве, его поведение в быту и дисциплинированность свидетельствовали о его исправлении.

Довольно подробно в инструкции регулировались вопросы, связанные с жалобами и заявлениями заключенных. Указывалось, в частности, что каждый заключенный имеет право подавать жалобы и заявления, как в письменной, так и в устной форме. Кроме непосредственного приема жалоб и заявлений администрацией лагпункта, в каждом лагерном пункте должны были быть ящики для жалоб, адресованных Народному комиссару внутренних дел Союза ССР, начальнику ГУЛАГа, прокурору Союза ССР, начальнику лагеря и прокурору по надзору за лагерем. Ящики предписывалось опечатывать печатью Управления лагеря или района (отделения). Они могли вскрываться

только доверенными лицами от начальника Управления лагеря, начальника района (отделения) или заместителей не менее 1 раза в 5 дней. Жалобы и заявления заключенных, адресованные на членов Политбюро, секретарей ЦК ВКП(б), в ЦК ВКП(б), КПК республик, СНК СССР, Комиссию советского контроля, судебные органы и прокуратуру, а также в органы НКВД и поданные в закрытом виде, надлежало немедленно направлять в Управление лагеря для пересылки непосредственно адресатам без ознакомления с содержанием. Должностные лица, допустившие вскрытие таких конвертов, ознакомление с их содержанием, подлежали ответственности (ст. 137-148). Из этого документа не следует, что в исправительно-трудовых лагерях царили произвол и беззаконие, а заключенные находились в тяжелых бытовых условиях. Напротив, в Инструкции немало вполне нормальных пенитенциарных норм. Это, в частности, касается положений о свиданиях, посылках. С точки зрения защиты прав человека не может не вызывать удовлетворения блок норм о жалобах и заявлениях заключенных, в том числе об ответственности должностных лиц за недоставку писем заключенным, вскрытие закрытых жалоб и др. В этом смысле выглядит более чем странным решение государственных органов сделать инструкцию совершенно секретной – ведь содержание ее позволяло иметь выигрышный пропагандистский тезис о том, что в СССР вполне соблюдается большинство общепризнанных пенитенциарных норм. Однако все становится на свои места, если иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, большинство норм инструкции, и прежде всего касающиеся прав заключенных, были не более чем декларацией, на что ранее неоднократно обращалось внимание. Во-вторых, в Инструкции содержались и такие нормы, которые все же отражали всецелие в стране административно-командной системы. Речь идет, в частности, о возможности запрета свиданий и переписки заключенных со своими родственниками и в целом предоставлении руководителям исправительно-трудовых лагерей достаточно большого субъективного усмотрения в определении как условий жизни и труда заключенных, так и в целом их судьбы.

После смерти Сталина пошел процесс значительного изменения ситуация как в целом в репрессивной политике в сторону смягчения, так и в исправительно-трудовой системе в сторону смягчения условий содержания заключенных и укрепления законности в деятельности ИТЛ и ИТК. Так, уже 1 сентября 1953 г. было упразднено отмеченное выше Особое совещание при МВД СССР [11]. В июле 1954 г. решением СМ СССР было утверждено Положение об ИТЛ и ИТУ [12], где уже не содержалось тех жестких ограничений для заключенных, которые имели место ранее. Затем был принят еще ряд актов, определявших статус мест лишения свободы, начался пересмотр уголовно-политических дел в отношении многих заключенных. А в 1956 г., после известного XX съезда КПСС, система мест лишения свободы была реорганизована – вместо ГУЛАГа в структуре МВД СССР появилось ГУИТК (Главное управление исправительно-трудовых колоний) где ИТЛ уже не предусматривались; стало больше внимания уделяться социальной помощи освобождаемым заключенным, что соответствовало европейским тенденциям того времени. В деятельности ИТУ больше внимания стало уделяться воспитательной работе с осужденными.

Указанные преобразования в систематизированном виде, на уровне закона, были закреплены в ИТК РСФСР 1970 г. [13], который с точки зрения системности и логики изложения законодательных положений значительно более совершенный, чем его предшественники. Это касается прежде всего вопросов правового положения осужденных. И хотя по-прежнему советский законодатель не упоминал в нормах исправительно-трудового права конституционных положений, последние находили отражение уже в гораздо большей степени, чем ранее. Так, к безусловному достоинству ИТК РСФСР 1970 г. следует отнести включение норм о гарантиях законности в деятельности ИТУ, что было

чрезвычайно актуальным в связи с тем произволом, который нередко творили руководители разного ранга и сотрудники подразделений ГУЛАГа в предшествовавший период. Соответствующие нормативные положения разбросаны в кодексе в разных разделах, но в совокупности они создавали достаточно прочные по тем временам правовые гарантии осужденных. Так, в ст. 4 указывалось, что основанием отбывания наказания и применения к осужденному мер исправительно-трудового воздействия является только приговор суда, вступивший в законную силу. Среди других норм, направленных на усиление законности в ИТУ, можно назвать установление срока и порядка направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания (ст. 14), внутреннего распорядка в ИТУ (ст. 23), регламентацию права подачи жалоб (ст. 36), условий труда осужденных (ст. 38), их материально-бытового обеспечения (ст. 56) и др. Особо следует подчеркнуть включение законодательных положений об оказании лишенным свободы юридической помощи, включающей возможность встреч с адвокатами – наедине и без ограничений (ст. 27). Новый кодекс уже не упоминает о классовом или ином социальном различии осужденных. Тем самым впервые на законодательном уровне в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы было закреплено конституционное равенство всех граждан (ранее это было сделано в сфере назначения лишения свободы в УК РСФСР 1960 г.). В этом контексте важной представляется ст. 8 ИТК РСФСР о правовом положении осужденных, где указывается, что осужденные «несут обязанности и пользуются правами, установленными для граждан СССР, с ограничениями, предусмотренными для осужденных, а также вытекающими из приговоров суда и режима, установленного Основами исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик и настоящим кодексом для отбывания наказания данного вида» [13]. Это законодательное положение также представляется принципиально важным. Как отмечал известный советский пенитенциарист Н.А. Стручков, оно позволяло по существу, а не формально обращаться к гражданским чувствам осужденных, что увеличивало возможности воспитательного воздействия на них [14, с. 38]. Вводя такую норму, государство подчеркивало, что оно не выбрасывает осужденного из жизни общества. После распада СССР тенденции более детального регулирования условий содержания осужденных в ИТУ была продолжена. Таким образом, в советском государстве правовому положению заключенных уделялось больше внимания, чем в предшествовавшее время [15]. В ИТК РСФСР 1970 г. эти права в виде совокупности соответствующих норм закрепляются как самостоятельный институт правового положения осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях. Однако прямое указание на конституционность прав осужденных появляется только в принятом в 1997 г. и по-прежнему действующем Уголовно-исполнительном кодексе РФ.

Список литературы:

1. Пертли Л.Ф. Общая тюремная инструкция 1915 года как историко-правовая основа пенитенциарного законодательства // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 2. С. 199-207.
2. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (утвержден Постановлением ВЦИК от 16.10.1924) // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. М., 1953. С. 248-264.
3. Романовский А., Шестокова А. О некоторых поправках к ИТК // Административный вестник. 1928. №10. С.33-36.
4. Сыч К.А. Идеи социологической школы уголовного права и их востребованность в законодательной практике // Пенитенциарная наука. 2014. С.13-19.

5. Славин М.М. С поездом Калинния // Еженедельник советский юстиции. 1922. № 29-30. С.24-27.
6. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С.68.
7. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (утвержден Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 01.08.1933 г.) // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. М., 1953. С. 366-378.
8. Советское исправительно-трудовое право / Под ред. Н.А. Беляева, В.С. Прохорова. Л.: ЛГУ, 1989. 294 с.
9. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: ЮрГЮА, 1997. 364 с.
10. Приказ НКВД СССР № 00889 от 2 августа 1939 г. об объявлении «Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях».
11. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 01.09.1953 г. «Об упразднении Особого совещания при министре внутренних дел СССР» // Судебная власть в России. История. Док. в 6 т. Т. 5. / сост. О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. М., 2003. С. 165-166.
12. Распоряжение Совета министров СССР от 10.07.1954 «Об утверждении Положения об исправительно-трудовых лагерях и колониях Министерства внутренних дел» // ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917-1960. М.: Материк, 2000. С. 112-119.
13. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 18.12. 1970 // Ведомости ВС РСФСР. 1970. № 51. Ст. 1220.
14. Комментарий к Основам исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1972.
15. Кашоида В.В. Исторические аспекты развития в России института конституционных прав осужденных к лишению свободы // Общество и право. 2014. № 2. С. 87-92.

References:

1. Pertli L.F. General Prison Instruction of 1915 as a Historical and Legal Basis for Penitentiary Legislation // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2012. No. 2. pp. 199-207.
2. Correctional Labor Code of the RSFSR (approved by the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 16 October 1924) // Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR 1917-1952. Moscow, 1953. pp. 248-264.
3. Romanovsky A., Shestokova A. On Some Amendments to the Correctional Labor Code // Administrative Bulletin. 1928. No. 10. pp. 33-36.
4. Sych K.A. Ideas of the Sociological School of Criminal Law and Their Relevance in Legislative Practice // Penitentiary Science. 2014. pp. 13-19.
5. Slavin M.M. With the Kalinnia Train // Soviet Justice Weekly. 1922. No. 29-30. pp. 24-27.
6. Smykalin A.S. Colonies and Prisons in Soviet Russia. Yekaterinburg, 1997. p. 68.
7. Correctional Labor Code of the RSFSR (approved by the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 01.08.1933) // Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR 1917-1952. Moscow, 1953. pp. 366-378.

8. Soviet Correctional Labor Law / Ed. N.A. Belyaeva, V.S. Prokhorova. Leningrad: Leningrad State University, 1989. 294 p.
9. Smykalin A.S. Colonies and Prisons in Soviet Russia. Yekaterinburg: YurGYuA, 1997. 364 p.
10. Order of the NKVD of the USSR No. 00889 of August 2, 1939, on the announcement of the "Temporary Instruction on the Regime of Detention of Prisoners in Correctional Labor Camps."
11. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of September 1, 1953, "On the Abolition of the Special Conference under the Minister of Internal Affairs of the USSR" // Judicial Authority in Russia. History. Documents in 6 volumes. Vol. 5. / compiled by O.E. Kutafin, V.M. Lebedev, G.Yu. Semigin. M., 2003. Pp. 165-166.
12. Order of the Council of Ministers of the USSR of July 10, 1954 "On Approval of the Regulations on Correctional Labor Camps and Colonies of the Ministry of Internal Affairs" // GULAG (Main Administration of Camps). 1917-1960. M.: Materik, 2000. Pp. 112-119.
13. Correctional Labor Code of the RSFSR of December 18, 1970 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1970. No. 51. Art. 1220.
14. Commentary on the Fundamentals of Correctional Labor Legislation of the USSR and Union Republics. M., 1972.
15. Kashoida V.V. Historical aspects of the development of the institute of constitutional rights of persons sentenced to imprisonment in Russia // Society and Law. 2014. No. 2. P. 87-92.